

ВАЛЕНТИНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ЛЮБОВЬ МОЯ — ГЕОЛОГИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Первые дни и месяцы учебы в Московском геологоразведочном Гале запомнились больше всего вводной лекцией декана геологического факультета о том, что такое геология и что ждет студентов после окончания института. Начал он с того, что геология — это наука о планете Земля, о ее строении, происхождении, находящихся в ее недрах полезных ископаемых, о главных причинах их возникновения и признаках обнаружения. Студенты геологического факультета, сообщил он, будут разделены на два потока. Первый будет осваивать специальность геолога-съемщика, второй — инженера-геологоразведчика.

В соответствии со своими пожеланиями студенты уже после первого курса разбились на потоки по специальностям. Галя, как и задумала, выбрала геолога-съемщика. В ее группе оказались в основном девушки. Старостой назначили Азу — низенькую толстушку в обтягивающем сером костюмчике, приехавшую откуда-то из Донбасса. В группе также оказалась дочка первого секретаря какого-то крайкома партии, незадолго до того арестованного, красивая высокая молчаливая Дора Акимова.

Учеба Гале давалась легко. На первом курсе лекции и практические занятия, главным образом, по общеобразовательным предметам: высшей математике, электротехнике, начертательной геометрии и другим, а из числа

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Валентина Вячеславовна родилась в 1922 году в подмосковном городке. Доктор геолого-минералогических наук, крупный ученый, специалист в региональной геологии и минерации редкометалльных месторождений, одна из первооткрывателей уникального редкоземельного Катугинского месторождения. По специальности имеет более 200 опубликованных статей, 6 монографий. Со студенческих лет пишет прозу и стихи, часть которых опубликована.

специальных геологических дисциплин — только лекции по общей геологии. Но какая захватывающе интересная, оказывается, была эта наука! Еще в школе Галя прочитала (и много раз) богато иллюстрированную откуда-то у нее появившуюся книгу с гравюрами Доре о катастрофических природных явлениях — землетрясениях, извержениях вулканов, цунами и т. д. Собственно, это и стало главной причиной ее решения пойти в геологию. А ещё желание постоянной работы на свежем воздухе, возникшее после смерти отца, как ей тогда казалось, из-за его работы учителем в душных, пыльных, плохо проветриваемых классах провинциальной школы.

Геодезическая практика проходила в Подмосковье. Теодолиты, вешки, визиры, составление топографических карт — все так необычно и интересно. Одно плохо: мало еды, да и та плохая. Рядом с палатками студентов располагались колхозные поля, засеянные морковкой. Две девочки из Галкиной группы — Зиночка и Надя — не утерпели, наведались ночью на поле, набили наволочки морковкой, которая еще и не выросла полностью, и утром вся спальня ею лакомилась. Ботву выбрасывали в окна. В обед пришел бригадир из колхоза и два милиционера. Девочек забрали, и больше группа их не видела. Руководство практикой и сами студенты пытались как-то облегчить их судьбу, но безуспешно: их судили за кражу и отправили куда-то на принудительные работы.

На втором году учебы в расписании занятий значились уже в основном геологические дисциплины: общая геотектоника, общая геоморфология и другие. Особенно захватила Галю гипотеза о движении материков Альфреда Вегенера, книгу которого она изучила досконально. Очертания западных берегов Евразийского и Африканского континентов и восточных берегов Северной и Южной Америки действительно оказались совпадающими. А еще больше впечатляет сходство геологического строения противоположных берегов Атлантического океана и продолжение металлогенических зон (достаточно узких полос концентрации месторождений различных полезных ископаемых) через этот океан из обеих Америк в Европу и в Африку, особенно из Южной Америки в Африку.

Ближе к весне уже мечталось о первой производственной геологической практике где-нибудь подальше от Москвы — в Средней Азии, в восточной Сибири или даже в Заполярье. Наиболее продвинутые в практическом отношении студенты, особенно мальчики, заранее договаривались с руководителями полевых геологических партий, организующихся на базе различных московских геологических НИИ, о зачислении их к ним практикантами.

22 июня было ясное теплое утро. Галя сидела в поезде, ехала в институт, когда заметила на пролетающих мимо платформах толпы народа под тарелками репродукторов. В первые же дни почти все ребята — студенты старших курсов — добровольно ушли на фронт. Скоро Москву немцы начали бомбить. Но занятия в институте продолжались.

Пассажирские поезда по западному направлению стали ходить с большими перерывами, и теперь Галя, возвращаясь из института, была вынуждена добираться домой другим путем. Она автобусом доезжала до окраины Москвы, а далее до дома пять километров добиралась пешком по Минскому шоссе. Пройдя два километра, уже можно было разглядеть “Воронью слободку” — дом стоял на горке, на перекрестке Минского шоссе с Аминьевским. И всегда перед этим замирало сердце: стоит он, или уже разбомбили?

Немцы подбирались к Москве все ближе. 16 октября, после решения правительства об эвакуации правительственных, производственных и других организаций и учреждений в городе началась паника среди обывателей, а в институте еще днем — запись оставшихся студентов и преподавателей в районный коммунистический батальон. Естественно, вся Галина группа целиком записалась. Всем записавшимся приказали через три часа явиться с вещами в школу № 15 в Тестовском переулке. Галя помчалась домой, хотя знала, что ни при каких условиях не успеет вернуться к сроку. Но надеялась, что опоздавших все-таки примут. Дома никого: мама и сестра в школе. Запихала кое-какие вещи в мешок, оставила записку. Скорее, скорее назад! Вдруг стук в дверь. На пороге Шура — одногодка, соседка, тоже дочь учителей.

— Галя, помоги! Мама с папой в школе, мне поручили упаковать вещи. Мы эвакуируемся. Помоги, пожалуйста!

— Не могу, я и так опаздываю.

— Ну, пожалуйста! Я совсем потеряла голову.

Шурина семья “не от мира сего”: и родители, учителя географии, и дочь непрактичные, рассеянные. Прошли к Шуре. Посредине комнаты стоит оцинкованное корыто с продетой в отверстие веревкой, из которого горой вылезают вещи: одежда, обувь, какие-то кастрюли, тазы...

— Да вы что? Корыто с собой берете?

— У нас нет рюкзаков. Во что-то надо грузиться.

— А как же повезете? Волоком?

— Не знаю, не думала еще.

— Я сейчас мигом...

Галя ушла к себе, вернулась с дерюжными мешками из-под картошки, бросила у корыта.

— Вот! В каждый угол по небольшой картофелине, углы с ней обвязать веревкой в узелок, положить вещи, веревку потом накинуть на горловину, завязать. Прощай, я пошла.

Бегом на вокзал. Слава Богу: как раз успела к поезду. Идет медленно. Наконец Белорусский вокзал. Скорей на трамвай. Вот и школа!

Но у ворот красноармеец с ружьем.

— Куда? Не велено никого пускать.

— Мне сюда, я записана в коммунистический батальон, опоздала немного к сроку.

— Ничего не знаю. Никуда не пуццу!

— Тогда вызовите командира.

— Ну да, как же! Я за командиром, а пост пустой. А ты за мной. Нет!

— Что же делать?

— Ты вот что, девочка. Езжай в райком комсомола, возьми сюда направление, тогда пропущу.

— Так бы сразу и сказали.

Снова трамвай, два квартала пешком, дом райкома, на второй этаж, дверь полуоткрыта. Галка боком влезла в дверь. У окна стол, за ним бело-брысый парень в очках, пишет, сбоку на скамейке мощная деваха: из-под коротких рукавов выпирают бицепсы, толстые ляжки и круглые колени чуть прикрыты юбкой. Парень поднял голову:

— Вам что, девушка?

— Я... Я записана в комбатальон, опоздала в школу № 15, в Тестовском переулке. Живу за городом, не успела приехать с вещами к назначенному сроку. А у двери часовой, говорит, что надо от вас направление получить, тогда пропустит. Вот! Дайте, пожалуйста!

— Хм...

Оценивающим взглядом окинул Галю. Субтильная фигурка, грязные белые туфли-тапочки, голые оцарапанные колени, измятое ситцевое платьице, тощий мешок за плечами, умоляющие большие зеленые глаза.

— Смотрите сюда.

Жест в сторону мощной девахи.

— Знаете, кто это? Она чемпионка Москвы по лыжам. Тоже опоздала, тоже просится в коммунистический батальон. Так я и то пока еще сомневаюсь — дать ли ей туда направление. А уж вам...

— А я студентка второго курса Московского геологоразведочного института, выносливая, не смотрите, что невысокая и худенькая. Там все мои друзья. Ну, пожалуйста!

— Я лучше дам вам направление на военный завод. Он в том же поселке. Идет?

Потерянно взяла направление. Доехала, а потом дошла до завода. Было уже восемь часов вечера, там, вероятно, пересменка: из ворот валила толпа. Своими близорукими глазами Галя увидела, что люди в толпе все как один с ярко-желтыми лицами и руками. Тол, что ли там, производят? Ну, уж нет! Не хочу стать такой же. И Галя, разорвав направление, повернула прочь.

Через два дня завод взлетел на воздух. Взрыв был слышен в Кунцеве.

Занятия в институте прекратились: он эвакуировался в Семипалатинск. В основном выехали иногородние студентки и преподаватели, а москвички далеко не все, некоторые, Галя и Ира в том числе остались. Ксана же эвакуировалась с родителями в Свердловск. Надо устраиваться на работу, получить рабочую продуктовую карточку. У сестры изживенческая, у мамы служащая. И любой ценой попасть на фронт!

Всю вторую половину октября булочные в Кунцеве торговали, как заметили мама и сестренка, странным образом: люди тащили по пять и больше батонов белого хлеба, по несколько буханок черного, видимо, сколько можно унести за раз. Выяснилось, что талоны из карточек продавцы вырезали правильно, но хлеба отпускали на все деньги, которые давали покупатели. Мама, Галя, сестра стали ежедневно порознь ходить каждая со своей карточкой и с намного большей, чем нужно в соответствии с нормой, суммой денег. Приносили по семь, а Галя так и по десять белых батончиков и по пять-шесть буханок черного хлеба. За несколько дней насушили большой мешок белых сухарей и полмешка черных, которые и помогли им продержаться первую, самую голодную военную зиму.

Примерно в это же время в доме, где жили Галя с сестрой и мамой, на первом этаже, в опустевшей после эвакуации ее жильцов комнате, поселилась кем-то брошенная красивая рыжая собака — колли, сильно ослабевшая от голода. Она еле двигалась и большей частью лежала на кем-то брошенных газетах. Галя заметила ее случайно, проходя мимо открытой двери комнаты. Собака встала, потянулась к ней, лизнула руку. Все у нее на месте, ран нет, глаза не гноятся, ноги ходят. Сердце у Гали сжалось. Но что делать: собака большая, кормить нечем. Недели две Галя ее все-таки подкармливала, отдавала ей свою обеденную пайку, которую брала, уезжая в Москву, сто граммов хлеба, две-три вареные картошки, хотя видела, что этого ей мало, мало, мало. Однажды утром комната оказалась пустой. То ли собака сама ушла, как вообще уходят все животные умирать в укромное место, то ли ее убрали, а может быть, и съели нищие с бывшего рядом с “Вороньей слободкой” рынка, облюбовавшие пустующие в доме комнаты под ночлежку.

В первых числах ноября в том же райкоме комсомола, где Галя побывала после опоздания в коммунистический батальон, она добилась записи в специальный отряд, попавших в который, по слухам, должны готовить для заброса в тыл. Ей повезло: на месте секретаря сидел другой человек. Отбор в отряд был жестким по анкетным и медицинским данным. К окулисту, благо на медкарточке не было фотографии, а Галя не носила очков, вместо нее сходила не уехавшая в эвакуацию ее сокурсница и подруга Ира с хорошим зрением. Медкомиссию Галя прошла. Перед началом учебы весь отряд послали на курсы парашютистов. После первого же прыжка Гали со скандалом отчислили: инструктор усмотрел неправильное приземление (хотя она и не сломала ничего), поманил ее пальцем, а она и лицо-то его видела неотчетливо, где уж тут палец! Сообщили в отряд. И всё.

Пришлось записаться на ускоренные курсы военных фельдшеров и медсестер. Ира там уже училась. На курсах давали продовольственные рабочие карточки. После занятий обе они ежедневно работали в эвакогоспитале: таскали по лестницам носилки с ранеными, кормили слабых, делали уколы, легкие перевязки, позднее даже ассистировали врачам при сложных операциях. Когда привозили новые партии раненых, работали ночи напролет.

Но вот сданы экзамены, получены справки об окончании курсов. Гале прислали повестку из райвоенкомата по месту жительства: явиться с вещами. Собрала вещмешок, пошла. Екатерина Васильевна, прочитав повестку, молча хмуро смотрела на Галины сборы, сказала только, чтоб оставила вещи, она поднесет, когда будут отправлять в действующую армию. Ведь не сразу же.

А вот и военкомат. Битком набитая комната призванными, как и Галя, по повестке, но в основном мужчинами. Махорочный дым волнами. Кто в штатском, кто в военном. И опять сначала медкомиссия, опять все уперлось в глаза! Галя без очков, таблицы для проверки зрения в комнате нет.

Пожилой врач взял со стола в руки книгу в красном переплете, положил на нее пальцы, Галю поставил далеко от себя, в угол.

— Сколько пальцев видите? Да стойте, не приближайтесь!

— Два, — ответила она наобум.

Снова, переменив пальцы и подозвав Галю поближе:

— Сколько пальцев?

Пришлось сдаться.

— Не вижу. Кажется, три.

— С вами все ясно. Давайте повестку. — Написал записку. — Возьмите, подойдите к секретарю, комната по коридору налево. Он выпишет вам белый билет. Вы не военнообязанная. И мой вам совет: вы можете работать в любом госпитале как вольнонаемная.

До возвращения института из эвакуации в 1943 году она работала сначала с месяц на военном заводе, где делали “лягушки”: деревянные с защелкой коробки, которые начиняли толлом, и получались противотанковые мины, а потом — медсестрой и фельдшером в эвакогоспитале.

Все это время ее точила горькая мысль о том, что все хорошие люди на фронте, воюют, а она сидит среди стариков и детей одна такая несчастная. Галя проклинала свою близорукость, хотя раньше она ей почти и не мешала.

Жилось скудно. Работа и дорога домой, пять часов туда и обратно, отнимали по шестнадцать часов ежедневно. Дела на фронте не радовали. Город Руза был захвачен немцами, а в нем оставались родители Екатерины Васильевны — бабушка и дедушка Гали, а также ее незамужняя тетя и семья умершего перед войной дяди. Зимой 1942 года Галя и мама узнали, что Рузу освободили. Но писем от родных не было, а для поездки туда нужен пропуск. И Галя решила ехать без пропуска, выяснить, что с ними стало. Екатерина Васильевна согласилась.

Собрали небольшую посылку: кое-что из продуктов, выданных по карточкам — крупу, немного сливочного и бутылку растительного масла, буханку хлеба, чай, пол-литра водки, соль, кусок мыла. Галя положила еще пузырек медицинского спирта, который ей дал один из хирургов эвакогоспиталя.

Поезд уходил утром. Галя, зная все “дырки” на Белорусском вокзале и кунцевской платформе, обошла контролеров, подобралась к предпоследнему вагону. В последний лучше не лезть, в нем обычно находился кто-то из поездной бригады. Юркнула, затаилась где-то посередине, в углу на лавке.

В Рузе на улицах оказалось пустынно, но в центре все дома целы. Добежала до бабушкиного дома. Он тоже цел. Дверь забита досками. Вошла через калитку в огороде и задний вход в кухню. Стены черные от копоти, но в доме тепло. Навстречу тетя Варя, в рваном теплом платке, похудевшая, подурневшая.

— Галя! Ты! Как добралась? Замерзла, небось? Хотя потом расскажешь, а пока грейся, печка утром топлённая.

Из-за печи выползла бабушка.

— Галочка моя приехала! — И заплакала, захлюпала.

Тетя Варя ее перебила:

— А мы теперь все на кухне. В доме немцы жили, какой-то чин весь в золоте, нас в кухню выгнал. А когда наши пришли, так он почему-то не успел уехать, на диване его и убили. В комнатах теперь разор. Вещи наши, которые мы перед приходом немцев в подполе спрятали, свои раскрали. Я у соседей наш самовар видела.

— А где же дети дяди Миши и тети Оли? Где сама тетя Оля? Дед где?

— Ребятишки спят в боковушке, я там все вычистила. Ольга ушла в город за хлебом. А дед на печи: ноги у него обморожены.

Галя стала разбирать свой мешок. Хлеб, сахар, масло и прочее — все было очень кстати.

Вечером за чаем тетя Варя рассказала, как перед приходом немцев в Рузе организовали партизанский отряд. Командиром был назначен секретарь райкома партии — муж любимой всеми в школе учительницы истории и руководительницы Галиного класса Клавдии Ивановны. В отряд ушла комсомолка Лиза — Галина подружка из одного с нею класса, девочка скромная,

очень застенчивая, вспыхивающая краской по малейшему поводу; а учитель физики, хромой и одноглазый, приехавший в город сравнительно недавно, Галя его не знала, стал полицаем.

Больших лесов в Рузском районе мало, и отряд базировался в одном из самых обширных лесных массивов близ озера Круглое. Кто-то выдал его местоположение немцам, члены отряда были захвачены и повешены на центральной площади города. Когда зимой начались бои за город и окрестности, немцы выгнали жителей из домов и, прикрываясь их толпой, пытались атаковать наших. И дед с бабкой, и тети Варя с Олей, и ребятишки шли вместе с этой толпой. Вот тогда-то дед и поморозился, а сыну тети Оли Мише кто-то запустил камнем в спину, он долго потом, уже после окончания войны, выздоравливал. Наши город взяли, жители вернулись по домам.

В окрестных полях и лесах, там, где шли бои, остались неубранными трупы людей и лошадей. На лошадях воевала наша конница. Галя решила идти за кониной. Утром нашла во дворе саночки, оделась потеплее, тетя Варя дала топор. Отошла три-четыре километра от городской околицы, вошла в лес. Дорога там заметена меньше, чем в поле. На обочине рука, торчащая из снега, все остальное под снегом, чуть поодаль наполовину занесенная снегом лошадиная туша. Твердая, топор не берет. Дальше по дороге, Галя знала, будет деревенька: с мамой, еще когда в Рузе жили, туда как-то ходили к знакомой учительнице. Вот и крайний дом. Тропинка от снега не чищена, на ней россыпь мелкой мерзлой картошки. Толкнула незапертую дверь. Изба в одну комнату, нары, полати, большая русская печь, видно нетопленая — пар от дыхания идет. Но никого. Вышла. От другой избы, рядом оказалась фигура в тряпье. Двинулась к ней.

— Кого Бог принес? Ты чего дочка, куда идешь?

Средних лет женщина подошла близко.

— Я за кониной приехала, из Рузы. Там в лесу есть кони убитые. Я нашла одного. А топор не берет.

— Погоди-ка. Дак ты и не справишься, куда тебе. Ведь морожено мясо-то. Тебе сколько надо-то?

— Да не больше пуда, больше не доведу.

— Дак ты вот что. Иди-ко сюда.

Женщина привела ее в клеть за избу, где лежала уже полностью разрубленная на куски конская туша, без головы, хвоста, копыт.

— Вот, бери.

И она подняла и положила Гале на санки два порядочных куска от задних ног.

— А вы?

— А мне, моя милая, тут у нас один инвалид с другого конца деревни, попрошу его — еще привезет. Много ли мне надо.

— Ну, спасибо! Большое спасибо!

Галя завернула мясо в рогожу. Отдала взамен пузырек разведенного медицинского спирта.

— И тебе спасибо, дочка!

— Семья-то ваша где?

— А муж на фронте воюет. Да что-то писем долго нет. Детей не было. Бобылкой живу.

Галя повернула саночки, поспешила домой в Рузу.

Поздно вечером она попросила тетю показать ей грудку оставшихся в доме книг, подмоченных и частью разорванных. С трудом, но нашла среди них ту самую с рисунками Доре книгу о катастрофических геологических явлениях, которой зачитывалась в школьные годы. Попросила разрешения взять ее. Тетя Варя разрешила. Потом Галя всю жизнь с этой книгой не расставалась, возила ее с собой. А позже к ней добавились книги вулканолога Тазиева.

На другой день, оставив половину конины тете Варе с семейством, вышла с саночками на главную дорогу — и сразу повезло. Военный грузовик шел напрямиком в Москву, Галю довели до дому, благо он стоит у трассы, на Минском шоссе.

Мяса хватило при экономном его расходовании и хранении на морозе за одну неделю на две. Вкусные были котлеты из конины!

В 1943 году, хотя война была еще очень тяжелой, уже над Москвой гремели салюты, армия отвоевывала город за городом, люди повеселели. Институт вернулся из эвакуации, и занятия, которые до этого вели оставшиеся в Москве преподаватели института, возобновились в полном объеме. Студентам стали выдавать карточки на дополнительное питание — УДП, их называли в шутку: “умрешь днем позже”. В институте появились студенты-инвалиды войны.

Галя училась отлично, увлеченно, с интересом. На дипломную практику вместе с подругой Ксенией они поехали в степной мелкопочный Казахстан, на марганцевое месторождение, находящееся в безлюдной местности, без дорог. Правда, по приезде оказалось, что в сухой период в степи везде можно было проехать, даже и на автомобиле. Руководителем практики оказалась начальница геологической партии Нина Петровна, высокая мощная средних лет женщина, которой боялся весь персонал. Рассказывали, что она, рассердившись как-то на одного работягу, призвала его к себе, схватила за шкуру и потрясла как щенка, приговаривая:

— Не смей больше так работать, душу вытрясу, понял!

Девушек поселили в саманном бараке с маленькими окошками без стекол, с земляным полом, застеленным соломой, на которой они и спали без простыней и одеял, прикрываясь выданными ватниками. Спальных мешков нет, тощенькие одеяла и соломенные матрацы выдали лишь через две недели. А ночами и по утрам уже стояли холода. Умываться бегали на обмелевший к концу лета, ко времени их приезда, ручеек. Там же и мылись ледяной водой, нагреть воду хотя бы на костре невозможно — из топлива лишь сухие травинки и низкорослый перекати-поле — карагайник. После такой “бани”, ополоснувшись, накидывали ватники и бегом в барак.

Имелась в партии и столовая, еду готовила казашка: суп пустой или рыбный картофельный, ячневая каша, хлеб по норме. Постоянные сотрудники партии — ИТР — жили в землянках, в землянках располагались и контора с камералкой (место, где обрабатывали свои материалы геологи). Рабочие-казахи обитали, как и студенты-практиканты, в саманном бараке, лишь некоторые тоже вырыли себе землянки.

Галя с Ксенией с увлечением знакомились с геологическими особенностями месторождения, усердно документировали канавы, шурфы до 20–25 метров глубиной с воротками и дудки до 3 метров глубиной без воротков, отбирали образцы и пробы, составляли разрезы месторождения. Нина Петровна была ими довольна. Поскольку, кроме нее и техника, среди ИТР собственно геологов не было, только геофизики, делилась своими сомнениями с девочками.

— Не понимаю, в чем дело. Вроде бы по геологическим данным руды месторождения богатые, а анализы проб, пришедшие в последнее время, показывают низкие содержания марганца. Надо отобрать дубликаты проб. Поручаю это дело вам, может быть, Вася-техник напутал.

Базу партии кругом ограждал дувал — высокий глиняный забор. И вот однажды, гуляя вечером за дувалом, Галя с Ксенией увидели большую кучу черных желваков — богатых марганцевых руд. Взяли по желваку, показали Нине Петровне.

— Где взяли?

Показали место. Выяснилось, что как раз напротив кучи внутри дувала находилась примитивная дробилка рудных проб. Это был агрегат из длинного шеста с противовесом типа колодезного журавля с прочно привязанным железным пестом на другом его конце. Пест, опускаясь под действием руки дробильщика, падал в чугунную ступу. Руда в основном мягкая, но содержала твердые желваки, подобные найденным за дувалом, сильно обогащенные марганцем. На дробилке работала, нажимая и отпускающая журавль, пожилая казашка. Допросили ее с пристрастием. Она созналась, что твердые “камни” выбрасывала из ступы за дувал. Поэтому-то результаты анализов проб оказывались неадекватны истинным содержаниям марганца в руде. Казашку

уволили, но переопробование заняло много времени и, естественно, стоило дополнительных денег.

Практика заканчивалась, и Галя решила еще раз пробежаться по горным выработкам, сверить записанные в полевой книжке данные документации с реальными. Вечером, когда солнце стояло уже низко, и по степи гулял холодный ветерок, она, надев резиновые сапоги, в одиночку осуществила свое намерение. Месторождение находилось в полутора километрах от базы партии, никого в этот час на нем не было. Она промерила видимые мощности выходов пластов пород и руд и их залегание во всех канавах. В шурфы не полезла: не было напарника, чтобы спускать ее в ведре и поднимать воротком на поверхность. Оставались дудки. Прыгнула в первую. Днями прошли небольшие дожди. На дне вода, дно вязкое, все вместе почти по колено. Рулеткой замерила мощность пластов пород до высоты поднятых рук. Выше прикинула примерно. Теперь вылезать. Но пальцам не за что уцепиться: порода крошится, осыпается, а запустить пальцы глубже не хватает распяленных рук. Ногами по той же причине невозможно распереться. Плюхнулась на дно в воду, она холодная, попала в сапоги. Попробовала подняться еще несколько раз с тем же успехом.

В душу начала закрадываться тревога, потом страх. Никто не знает, куда она пошла, база далеко — не докричишься. Наверху, на небе, из дудки видны звезды, слышно, как там ветер посвистывает. Ноги все больше стынут. От страха начала кричать, хотя знала, что бесполезно. Но что это? Вроде голоса, правда, далеко, разговаривают. Начала кричать изо всех сил, не переставая. И вдруг на фоне белесого неба — бородастая голова.

— Ты кто? Что здесь делаешь?

И криком:

— Георгий Иванович, идите-ка сюда скорей. Девушка в дудке.

Связали два поясных ремня, кинули вниз, уцепилась, потянули, подали руки, вытащили. Галя, клацает зубами, дрожит. Узнала их. Это приехавшие на днях познакомиться с месторождением эксперт-профессор из союзного геологического НИИ с сопровождающим. Завтра они, кажется, уезжают, решили, наверное, сегодня осмотреть месторождение еще раз. Повезло, крупно повезло!

— Ну, так кто ты, как попала сюда?

— Я практикантка из геологоразведочного, хотела освежить в памяти сведения о геологии месторождения.

— Так... Кто в партии знает, что ты здесь?

— Никто.

— Ладно. Беги на базу, не то простудишься. Вечером разберемся.

Поздно вечером в связи с утренним отъездом профессора состоялось собрание ИТР партии с его докладом, в котором он поделился своими впечатлениями об особенностях геологического строения месторождения и его возможных промышленных перспективах. В конце сообщения упомянул и о "спасении утопавшей". Гале закатили выговор с мотивировкой о несоблюдении правил техники безопасности. Нина Петровна сказала, что отметит об этом в Галиной путевке на практику. Спасло от этой отметки только то, что инструктаж по технике безопасности студенты-практиканты в партии не проходили, за что нагоняй получила уже Нина Петровна от администрации партии.

С тех пор всю дальнейшую геологическую жизнь Галя неукоснительно, за очень редкими исключениями, соблюдала правила техники безопасности проведения полевых геологических работ. В частности, уже в бытность ее начальником партии каждый сотрудник, как и положено, получал для прохождения маршрут с контрольным сроком возвращения в партию, после истечения которого должны были начинаться поиски пропавших. Кроме того, каждый сотрудник должен был получать у нее разрешение на любую другую отлучку из лагеря, продиктованную необходимостью, будь то охота, поиски лошадей или оленей или поход за ягодами и грибами, знать контрольный срок возвращения и оставить в лагере маршрут, которым он будет следовать туда и обратно. Отлучки просто для прогулок ею не приветствовались.

После окончания практики перед отъездом домой студентки-практикантки шептались между собой:

— Неужели и после войны надо будет работать в таких условиях? Вот Нина Петровна в землянке живет круглый год за исключением месяца отпуска; ни туалета, ни бани нормальных, да и другие сотрудники партии так же. А у некоторых ИТР и рабочих вши.

И это была чистая правда. Нина Петровна даже заставила геофизика Петровича вымыться и вытряхнуть вшей из белья и матраца. Студентки видели, как сыпались вши, когда он матрац вытряхивал.

Галя иногда тоже подумывала: не перевестись ли в медицинский институт, памятуя о работе в эвакогоспитале, которая ей нравилась. Но всегда эти мысли отбрасывала.

Вот так начиналась её долгая жизнь в геологии...